

АСКЕТ В МИРУ: СВЯЩЕННИК ИОАНН КУШЛЯНСКИЙ

**Иерей
Гордей Щеглов,**

клирик храма святителя
Николая Японского
в городе Минске,
профессор Минской
духовной академии

Нередко в жизни случается, что человеческая личность совершенствуется не в силу благоприятных условий, а наоборот — вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Как нежный росток, движимый энергией жизни, пробивается сквозь толщу окаменелой почвы, так и человеческий дух, движимый высокими устремлениями, пробивается сквозь мрак невежества, косности, пошлости, зависти, недоброжелательства, злословия и прочих проявлений греховной человеческой природы. Тем ценнее его достижения и духовные приобретения. Личность становится закаленной, испытанной, духовно сильной.

Именно такой пример, на наш взгляд, и представляет история человека, о котором пойдет повествование. Неблагоприятной средой, в которой ему пришлось формироваться и действовать, была униатская Церковь, причем уже значительно латинизированная. Однако среди униатского духовенства, несмотря на общую его деградацию в отношении традиции восточного обряда, нередко встречались люди, сохранявшие любовь и тягу к Православию. Будучи выходцами из уже сложившейся униатской среды и внешне принадлежа к Унии, они по духу своему были православными.

Одним из таких людей, настоящим подвижником благочестия, молитвенником и духовным деятелем был священник Иоанн Кушлянский, о котором мы и хотим рассказать нашему читателю.

Родился он в 1803 (1801) году в семье униатского священника Кароля Кушлянского и его супруги

Доминики Пословской. Отец происходил из старинного русского рода смоленских дворян. Родился он в 1757 году. Где учился — неизвестно, но был, видимо, достаточно подготовленным человеком, чтобы удостоиться священнического служения. В 1791 году речичский хоружий Ян Холецкий рекомендовал его к рукоположению в священный сан. Хиротония состоялась 17 мая 1792 года, и совершил ее викарный епископ Берестейской епархии Адриан (Бутримович). После рукоположения священник Кароль был назначен регистратором церкви, то есть временно управляющим, в местечко Жлобин Речицкого повета. Спустя полтора месяца он получил место настоятеля филиальной церкви в селе Мхиничи Чериковского повета Могилевской губернии¹.

В семье священника Кароля было шесть детей: сыновья Федор, Семен, Николай, Иоанн, Григорий (род. в 1805 г.) и дочь Татьяна. Родители постарались дать мальчикам более-менее приличное образование. Известно, например, что двое младших сыновей, Иоанн и Григорий, учились в Могилевской губернской гимназии. Обучение в ней в то время было бесплатное. Преподавание велось на польском языке. Учебный план включал предметы: латинский, немецкий, французский, польский и русский языки, частную и прикладную математику, опытную физику, историю, географию, статистику, философию, изящные науки, политическую экономию, естественную историю, начальные основания наук, относящихся до торговли и технологии, искусство черчения и рисования, польскую словесность, Закон Божий. Иоанн окончил гимназию в 1820 году с перворазрядным аттестатом и похвальным листом². Григорий недоучился, окончив лишь три класса.

Все сыновья Кароля Кушлянского, кроме Иоанна, вышли из духовного звания и поступили на военную службу. Николай дослужился до чина подполковника, Федор и Семен до майорских погон, а может и выше, о Григории же ничего узнать не удалось (рано умер). Сестра их — Татьяна была замужем за священником

¹ Лісейчыкаў Дзяніс. Святар у беларускім соцыюме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Дзяніс Лісейчыкаў. — Мн. — 2015. — С. 329.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 40878.

Климентием Чурилой, настоятелем Самулковской церкви Чаусского уезда Могилевской губернии.

Один только Иоанн, которого братья почему-то считали недалеким, решил посвятить себя пастырскому служению, пойдя по отцовской стезе. А то, что он был не глуп, говорит его гимназический аттестат. Просто в глазах братьев его выбор жизненного пути выглядел «глупым»: то ли дело воинская служба, в которую исстари шли дворяне Кушлянские.

Однако, в то время как братья решили служить царю земному, Иоанн пожелал служить Царю Небесному.

Мы не знаем, чем он занимался в ближайшие годы после окончания гимназии. Лишь из визитации Мхиничского прихода за 1822 год узнаём, что Иоанн «два года болеет дома»¹. Что это был за недуг, неизвестно, но наверняка этим сроком он не ограничился. Тем не менее, со временем Иоанн женился на дочери униатского священника Елене Жулицкой и стал готовиться к рукоположению в иерейский сан. Как раз в пору подготовки к священству скончался его тесть, настоятель Кохановской церкви Оршанского уезда Симеон Жулицкий. Епархиальное начальство решило передать приход Иоанну Кушлянскому. 27 марта 1827 года Полоцкий епископ Иаков (Мартусевич) рукоположил его в сан священника к Кохановской церкви.

Спустя полтора года отец Иоанн узнал об аресте своего брата Семена, замешанного в политическом деле. Офицерскую службу брат начал в 1817 году, в 17-летнем возрасте, подпрапорщиком Рыльского пехотного полка. В 1823 году в звании поручика перевелся в Могилевский пехотный полк. С 1826-го служил в Тарутинском пехотном полку, пока в феврале 1828 года в звании штабс-капитана не уволился со службы по домашним обстоятельствам. Переехал в Смоленск, где 31 августа был арестован по доносу. При обыске у него было найдено написанное им «Воззвание русского к Отечеству», наполненное «дерзкими выражениями» в адрес государя и правительства. По форме это была обычная прокламация. На допросах Кушлянский сознался, что написал ее в 1824 году, когда его батальон находился на зимних квартирах в Лужском уезде Петербургской губернии². Приведем текст «Воззвания».

«О, воины, которых головы поникали под тягостью лавров, пожинаемых вами на полях чести, победоносные ваши длани воздвигали свои знамена на башнях гордых парижан, словом, ваша беспримерная слава удивляла Европу — ныне за все ваши труды, понесенные для Отечества, должны жить в диких полях по полугоду — где тиранство и бесчеловечие скрежа зубами изливает на вас весь свой яд, в неиз-

меримом количестве. О, Отечество! они для искупления тебя от вечного последовавшего бы рабства проливать должны были многочисленные потоки своей крови; а теперь для пропитания себя должны проливать источники кровавого поту под тяжким бременем работ — таковое ли воздаяние за ихние подвиги для тебя, за их победы, коими тебя прославили на потонные веки. — О, Отечество! воззри ты на своих сынов милосердия оком и внуши ты державнейшему монарху восстать из глубокого сна забвения, в коем мы от него пребывая многие уже годы претерпеваем неслезанные истязания, кои бы только приличны были не избавительным, но коварным губителям и злодеям Отечества»³.

Речь здесь, конечно же, об аракеевской системе устройства армии и, прежде всего, о военных поселениях. Острое само по себе, «Воззвание» после выступления декабристов выглядело особо крамольным.

Меж тем Кушлянский утверждал, что написал воззвание со скуки: «Хотел тот же час изничтожить, но пожалел». На вопрос о том, не находится ли сочинение еще у кого-либо, офицер отвечал уклончиво и неопределенно: «...находится ли еще оное у кого другого или нет — мне неизвестно, однако списывать никому я сам не давал».

Среди других бумаг, уличающих Кушлянского, были найдены «письма» некоего мичмана Кропотова министрам внутренних дел, юстиции, просвещения, военному и графу Орлову, написанные в жанре едкой сатиры на существующий режим⁴.

Кушлянский также признавался, что по прибытии в Смоленск разговаривал с часовщиком Савичем о декабристах и читал книгу «Описание бунтовщиков»⁵.

Следствию, однако, так и не удалось установить, показывал ли кому-нибудь воззвание Кушлянский. В результате он был выслан по месту жительства своих родственников в уездный город Чаусы Могилевской губернии. И за ним был установлен полицейский надзор⁶. Неизвестно, правда, были ли какие-то родственники у него в самих Чаусах, но в уезде проживала сестра Татьяна — жена священника.

Меж тем не заладились дела на приходе и у отца Иоанна. Буквально сразу его невзлюбили местные католики. Дело в том, что с первых же шагов пастырского служения молодой священник открыто проявил любовь к Православию. Все церковные богослужения он совершал на церковно-славянском

³ Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 гг.) // Труды Государственного исторического музея. — М., 1964. — Вып. 39. — С. 69.

⁴ Леонтьев Я. В. Малоизвестное воззвание середины 1820-х гг. // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР: Сборник научных студенческих статей. — М.: МГИАИ, 1990. — С. 54–60.

⁵ Вержбицкий В. Отклики на восстание декабристов в Русской армии (1826–1828 гг.) // Военно-исторический журнал: орган Министерства обороны Союза ССР. — М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. — Вып. 1. — С. 120–126.

⁶ Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 гг.) // Труды Государственного исторического музея. — М., 1964. — Вып. 39. — С. 324 с.

¹ Лісейчыкаў Дзяніс. Святар у беларускім соцыуме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Дзяніс Лісейчыкаў. — Мн. — 2015. — С. 329.

² Вержбицкий В. Отклики на восстание декабристов в Русской армии (1826–1828 гг.) // Военно-исторический журнал: орган Министерства обороны Союза ССР. — М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. — Вып. 1. — С. 120–126.

языке, что в ту пору в латинизированной и ополяченной униатской среде было совсем непривычным. К началу XIX века униатское духовенство практически поголовно говорило на польском языке, общалось на нем с прихожанами, произносило проповеди. Именно через Унию шла полонизация белорусского населения. Были целые районы, где люди начинали совершенно забывать родной язык не только в быту, но и в церковных молитвословиях. На польском языке произносились ежедневные молитвы, на нем же пелись многие песнопения за богослужением, при погребениях, свадьбах, крестинах, крестных ходах¹. Одним словом, белорусские униаты все более забывали свои духовные и национальные корни и традиции. Именно в такой атмосфере начал свое необычное служение отец Иоанн Кушлянский. Кроме богослужений на церковно-славянском языке, он ни перед кем не скрывал и своего русского патриотизма, что особенно злило местных поляков, мечтавших о восстановлении Речи Посполитой и ненавидевших Россию и Православие.

В местечке Коханове, где служил отец Иоанн, все местные помещики были поляками и жило много польской шляхты. И не удивительно, что в таком окружении он скоро сделался объектом нападок и оскорблений, получив прозвище «москаль».

Примечательно, что отец Иоанн, не получив богословского образования, восполнил этот пробел самостоятельно. Возможно, как раз то, что он не учился в специальном духовно-учебном заведении, сыграло положительную роль в его духовном становлении. В то время дети униатского духовенства, как правило, обучались в иезуитских школах, где преподавание велось на латинском и польском языках, а воспитание — в польском патриотическом духе. Естественно, что, сформировавшись в такой среде, было трудно менять свои взгляды и убеждения. И вот в отличие от многих собратий священнослужителей-униатов отец Иоанн хорошо знал догматы Православной Церкви, правила номоканона, читал жития угодников Божиих, знал верное толкование христианских таинств. Именно чтение житий святых подвижников заложило в душе отца Иоанна правильное понимание христианского подвига, пастырства, жертвенного служения ближним. Из житий он узнал о таких христианских добродетелях, как смирение, кротость, незлобие, воздержание, простота, нестяжательность, любовь, и это, в свою очередь, зародило в душе молодого пастыря стремление к духовному совершенствованию и христоподражательной жизни.

Однако путь отца Иоанна, как и многих праведников, пролегал чрез горнило скорбей. В 1837 году местные поляки добились удаления отца Иоанна из Коханова, и он был переведен к Мацевичской церкви в Минскую губернию. Но и на новом месте за богослужения на церковно-славянском языке и русский патриотизм он встретил вражду и ненависть со стороны тамошних поляков. Ненависть эта дошла до

того, что в 1838 году некий разъяренный шляхтич во время совершавшегося богослужения прямо в храме выстрелил в отца Иоанна из ружья. Этот случай послужил поводом к переводу Кушлянского в 1839 году к Рождества-Богородицкой церкви в село Долгое Игуменского уезда Минской губернии, где он и прожил всю оставшуюся жизнь.

В том же году произошло событие, значительно изменившее церковную жизнь в Беларуси: на Соборе униатского духовенства в Полоцке было объявлено о воссоединении белорусских и литовских униатов с Православной Церковью. Не секрет, что по-разному в униатской среде восприняли это событие, но Иоанн Кушлянский встретил его с великой радостью!

Следует отметить, что отец его — священник Кароль Кушлянский после воссоединения взял себе православное имя Кирилл. Поэтому если раньше дети его по отчеству были Карловичи, то с этого времени они официально стали именоваться Кирилловичами.

В 1842 году, наконец, женился один из старших сыновей священника Кирилла — уже упоминавшийся выше капитан Семен Кушлянский. Его избранницей стала Марина Алексеевна Голикова. Спустя два года у них родился сын Николай.

Но вернемся к священнику Иоанну. Как и большинство белорусского сельского духовенства, он жил очень бедно, однако умел при этом довольствоваться малым. Основной заработок его составляла церковная живопись, которой он время от времени занимался, имея определенный талант и умение. Природную способность к рисованию отец Иоанн первоначально развил, конечно же, в гимназии. Но были, видимо, и другие учителя.

Кстати, брат его Семен тоже занимался живописью. Известно, что после выхода в отставку в 1828 году и переезда в Смоленск он безуспешно пытался устроиться на гражданскую службу. Тогда капитан Кушлянский стал зарабатывать на жизнь живописью, в частности, писать портреты. В Смоленске он даже поселился у живописца Левонтьева², с которым, вероятно, был хорошо знаком.

Также в начале XIX века в Киеве был известен как мастер живописи священник Гавриил Кушлянский. Сохранился замечательный портрет его кисти Николая Ивановича Ханенко, написанный в 1809 году и находящийся ныне в собрании Государственного музея украинского изобразительного искусства³. Возможно, священник Гавриил был родственником наших Кушлянских, а у них действительно имелась родня в Киеве.

Как бы то ни было, а в среде непритязательного сельского духовенства отец Иоанн считался неплохим специалистом. «Бывало, напишу кому-либо образ Спасителя или св. Николая, — рассказы-

¹ Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. — Мн. — 1990. — С. 218–220.

² Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 гг.) // Труды Государственного исторического музея. — М. — 1964. — Вып. 39. — С. 69.

³ История искусства народов СССР. В 9 т. Т. 5: Искусство первой половины XIX века / Под ред. Е. М. Костинной и В. М. Макаревич. — М.: Изобраз. искусство, 1979. — С. 184.

вал он о себе, — а иногда по заказу и полный иконо-стас в какую-либо церковь, и за то получу несколько целковых, и в этом заключалось все мое состояние. Бывало, жена возьмет весь мой доход и спрячет в сундук, — это говорит, будет для воспитания детей наших, или мне на старость. Окрестная шляхта, видя получаемый мной доходец, вообразила, что я очень богат и скопил деньги, и пустила молву в народ, что этот поп-москаль уже много накопил серебряных рублей, и вот, при встрече со мной так, бывало, лукаво смотрят на меня. Видя их лукавство и зависть, я, бывало, часто говаривал жене: ей, жена, смотри, зачем прячешь деньги, нас или обворуют или убьют за них; но она не слушалась меня». И что же случилось?

Однажды в дом к Кушлянским зашли два коробейника с товарами и попросились на ночлег. Отец Иоанн, видя их суровые лица, посоветовал жене не принимать торговцев, но та, словно наперекор, впустила их в дом, занялась торговлей и вдобавок, достав при них из сундука деньги, рассчитывалась за покупки. Коробейники заночевали в доме. На следующий день, когда они ушли, а жена по окончании утренних хлопот по хозяйству заглянула в сундук, где прятала деньги, изумленно вскрикнула: денег нет! Искала, искала, плакала, плакала — и не нашла! Так те деньги и пропали, а их было рублей 20 или 30. Отец Иоанн на это сказал супруге, что Бог всегда так наказывает тех, кто прячет деньги!¹

С прихожан отец Иоанн почти ничего не брал за требы, даже из добровольных приношений.

С великой благодарностью и слезами на глазах он всегда вспоминал памятный для белорусского духовенства 1842 год, когда Высочайшим указом вводилось штатное жалование для приходских клиров. «Когда стали получать царское жалование, — вспоминал он, — то, бывало, я схожу пешком в Шацк или Игумен, шутка ли за сто с лишком верст, третью часть отдам благочинному, по слову вышнего Царя: “воздадите кесарева кесареви”, а за остальное сошью сапоги и кое-какие сюртучки детям и — слава Богу! Вот таким образом дети мои учились в школах, и, благодарение Богу, дождался я в преемники себе среднего сына Семена»².

Кстати, в семье у отца Иоанна было трое детей: Екатерина (1832 г.р.), Семен (1835 г.р.) и Николай (1839 г.р.).

Когда сыновьям пришлось время получать образование, родители решили отправить их в духовно-учебные заведения не Минской епархии, а Могилевской — «по близости местожительства и удобству к доставке в училище». За соответствующим разрешением мать их обратилась к духовному начальству обеих епархий. В результате ей было разрешено обучать сыновей в Могилеве³. Поскольку братья Кушлянские были из другой епархии, то в Могилеве они могли учиться только на собственном содержании.

Как и всякий деревенский священник, отец Иоанн занимался сельским хозяйством, претерпевая все превратности крестьянской доли. Так, в июне 1852 года посевы побил сильный град, в результате чего урожай оказался ничтожным. В июне следующего года снова случился сильный и необыкновенно крупный град, погубивший озимый и яровой посевы. Оставаясь таким образом в течение двух лет без урожая и войдя в долги, отец Иоанн обратился за помощью к благочинному, чтобы тот исходатайствовал у епархиального начальства денежное пособие, доложив о случившемся. Он надеялся, что, быть может, духовные власти обратят внимание на его несчастное положение и смогут «облегчить его горестную душу вспомоществованием». «Ибо мы без пособия не можем пропитаться по всех доходах со служителями; ни получивши от крестьян сполна вывозки дров и окончания постройки домов», — сокрушался Кушлянский⁴.

На запрос благочинного Минская духовная консистория ответила, что к оказанию пособия по случаю уничтожения посевов градом в законодательстве нет специального закона, а само же епархиальное начальство средств не имеет. Зато консистория обратила внимание на трудности с окончанием постройки домов для причта Долгской церкви. В связи с этим было принято решение от имени архиерея просить губернатора распорядиться о безотлагательном окончании домов с хозяйственными постройками и об удовлетворении священника и псаломщика квартирными деньгами до совершенного окончания построек⁵.

Прошло время, но ситуация не поменялась...

В конце 1854 года сыновья отца Иоанна Семен и Николай приехали из Могилева на рождественские каникулы домой. Когда же пришло время возвращаться на учебу, у Кушлянских не оказалось средств, чтобы отправить их обратно. Поэтому братья продолжали оставаться при родителях.

Березинский благочинный священник Роман Пастернацкий, зная, что Семен и Николай Кушлянские не возвращаются к месту учебы, неоднократно предписывал их отцу отправить сыновей в Могилев. В конце концов на очередное предписание благочинного священник Иоанн Кушлянский ответил рапортом с приложением прошения на имя Минского архиерея. Он сообщал, что полученное жалование за вторую половину 1854 года уже израсходовал на содержание сыновей в учебных заведениях в первой половине текущего учебного года и на разные надобности по хозяйству. При этом Бучинская экономия уже больше полугода не выплачивала ему обработочных денег, положенных по проекту обеспечения местного причта, из-за чего Кушлянский в хозяйстве нес «величайшие убытки», не имея за что нанять работника. Кроме того, экономия по-прежнему не выплачивала ему квартир-ных денег за неоконченный дом и несооружение хозяйственных построек, по причине чего он не мог

¹ Рункевич Григорий, священник. Священник Иоанн Кушлянский (некролог) // Минские епархиальные ведомости. — 1875. — № 5. — С. 138–139.

² Рункевич Григорий, священник. Указ. соч. С. 139–140.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 21439. Л. 1–4.

⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 25073. Л. 2.

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 25073. Л. 3.

завести скот и не имел куда складывать будущий урожай хлеба. Не имел Кушлянский также возможности возить дрова для отопления дома, а положенного количества дров от прихожан он не получал больше года.

Видя горестное положение священника Иоанна, «под старость лишаящегося последней надежды на поддержание себя и своего семейства» и не имеющего средств образовать своих сыновей, благочинный переслал его прошение епархиальному архиерею.

Ознакомившись с прошением, консистория приказала: вопрос, касающийся необеспечения священника Кушлянского прихожанами, передать в соответствующее делопроизводство. Самому же священнику предлагалось, коли он не в состоянии сыновей содержать на собственные средства в Могилевских духовных семинарии и училище, подать прошение епархиальному архиерею о принятии их в Минские духовные школы, где имела возможность обеспечить их казенным содержанием¹. В результате Кушлянские были переведены в Минск: Николай на полное казенное содержание в училище, а Симеон — на полуказенное в семинарию².

Нужно отметить, что отец Иоанн отличался необычайной ревностью и любовью к молитве, исполнению церковного богослужения и треб. Вычитывал большей частью сам все положенное в богослужебный день по уставу и постоянно был с молитвословом в руках. Верное понимание евангельских истин он старался донести до прихожан в проповеди, но более его проповедь состояла в личном примере жизни. Отец Иоанн был для них живым примером детского незлобия, целомудренности, трезвости, бескорыстия, трудолюбия, воздержания. Он никогда никого не проклинал и даже не знал злобного, «язык его был чист от осуждения ближнего, уста его не произносили гневных слов, проклятий, нрава он был незлобиво и необыкновенно кроткого». Прихожане — простые крестьяне — любили его и, зная, что отец Иоанн никогда ни в чем не откажет, поможет, шли к нему за молитвенной помощью, советом и утешением.

При Долгской церкви отец Иоанн священствовал до 1857 года, оставив и здесь плоды своего художественного дарования. Писанные им иконы украшали не только приходскую церковь, но и приписные: Саканскую, Дубенскую, Дулейскую, Бросневичскую и др.

23 декабря 1857 года, после рукоположения сына Симеона в сан священника, отец Иоанн, желая уступить ему приход, вышел за штат. К тому времени уже овдовев, он поселился в небольшой «квартирке» — келье, в доме местного народного училища.

Неустроенным оставался младший сын Николай. Во время учебы в духовных школах науки ему давались с большим трудом. Неоднократно он оставался на второй год и, в результате, не доучившись, в ноябре 1859 года вышел из низшего отделения

семинарии. Поскольку Николай уволился в епархиальное ведомство, спустя пару месяцев он получил из Минской духовной консистории указ занять место причетника, дьячка или пономаря на одном из приходов. В ответ Николай написал прошение на имя Минского архиепископа Михаила (Голубовича), в котором, ссылаясь на слабость здоровья, сообщал, что не может занять назначенной ему должности. «Также крайняя бедность моего отца не может доставить мне способа к образованию, — писал он, — и вот одно осталось средство мне, несчастному, которое может осчастливить меня. Имея родственников в Киеве, я осмеливаюсь припасть со слезами к стопам Вашего Высокопреосвященства дозволить мне отлучиться в Киев на определенное время для свидания с родными». Что именно Николай надеялся получить для себя в Киеве, не совсем понятно. Возможно, место службы.

Консистория распорядилась выдать ему годовой паспорт для поездки. Однако вскоре Николай подал архиерею прошение об увольнении из духовного звания в светское. В Киев он так и не поехал. Зато побывал в Могилеве, где сумел заполучить место канцеляриста в Могилевском губернском правлении³.

В последние годы жизни отца Иоанна с ним познакомился и стал дружить священник Григорий Рункевич, опубликовавший впоследствии примечательные факты из его жизни.

В июне 1868 года Рункевич, служивший до этого на Корытнянском приходе в Бобруйском уезде, был перемещен в Игуменский уезд к Троицкой церкви села Кличев.

Вскоре после его переезда на новый приход местный благочинный назначил на 30 июня в селе Долгом соборик духовенства благочиния. Соборик должен был проходить в доме настоятеля Долгской церкви священника Симеона Кушлянского, куда по заведенной традиции духовенство съехалось еще накануне назначенного дня. Отец Григорий, не зная местных обычаев, прибыл непосредственно 30 числа. Явившись к месту и познакомившись с настоятелем прихода, он был радушно принят собравшимися и сам немало обрадован знакомством с новым для него духовенством.

На следующий день съехавшиеся отцы соборно совершили в храме утреню и Литургию. Во время богослужения отец Григорий обратил внимание на пожилого священника у клироса. Старец стоял со склоненной головой, и было видно, что он целиком погружен в молитву. Рункевич не видел его среди других священнослужителей, однако догадался, что это был отец настоятеля — священник Иоанн Кушлянский. Несмотря на то, что Рункевич видел старца впервые, он давно уже интересовался его личностью. Еще служа на прежнем приходе, он был немало наслышан об отце Иоанне от соседей, хотя многие и отзывались о нем в насмешливых выражениях, считая чудачком. По окончании Литургии отец Григорий хотел было подойти познакомиться со старцем, но тот уже вышел из храма, едва закончилась служба.

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26262. Л. 1–2.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26281. Л. 3–4.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29029. Л. 1–3.

После богослужения духовенство снова собралось в доме настоятеля, где по завершении собрания был предложен обед. Когда после трапезы отец Григорий вместе со всеми вышел в хозяйский садик подышать свежим воздухом, к нему подошел его причетник Василий и рассказал следующую историю. Зайдя после богослужения в дом народного училища, чтобы сложить вещи, он увидел там отца Иоанна, который из полутворенной двери своей кельи спросил его: «Какой это был в церкви новый священник, которого я не знаю?» Василий ответил ему, что это кличевский священник отец Григорий Рункевич, но не успел договорить, как старец, со словами: «Благодарю тебя, сын мой», повергся к его ногам с земным поклоном. Василий испугался и стоял в растерянности, не зная, что делать. Меж тем отец Иоанн уже поднялся и скрылся за дверью кельи.

Рассказ этот глубоко тронул священника Григория, и он в ту же минуту обратился от лица всего духовенства к хозяину дома, чтобы тот пригласил своего почтенного родителя в их общество. Исполняя просьбу, священник Симеон пошел в дом народного училища, где не без усилий уговорил отца порадовать гостей своим приходом. Рункевич буквально горел желанием познакомиться с отцом Иоанном, и как только старец появился, он первым подошел к нему для приветствия. Затем все остальные подошли к почтенному иерею и почти все, как и отец Григорий, поцеловали его отеческую руку. Старец, видимо, был этим очень растроган и со слезами на глазах благодарил за оказанное ему внимание. Правда, от предложенного чая отказался и вскоре удалился к себе.

С этого времени отец Григорий начал при всякой возможности пристальней присматриваться к старцу. Он не упускал случая выслушивать о нем рассказы людей, особенно бывших его прихожан, и сам при каждой встрече старался побеседовать с ним, давая отцу Иоанну возможность высказать свои мысли и чувства.

Всякая встреча с ним доставляла священнику Григорию большую душевную радость. Он ясно осознавал, что это человек непростой, но исполненный благодати — человек Божий. Они как-то сразу сблизились. Старец, видя искреннюю симпатию молодого священника, отвечал ему отцовской любовью. Всякий раз, когда доводилось им общаться, кроткое лицо старца, его детская добродушная улыбка, прячущийся под густыми ресницами взор наполняли сердце отца Григория светлой необъяснимой радостью.

Именно благодаря Рункевичу до нас и дошли сведения об этом необычном пастыре. Вот, в частности, какие качества он особенно выделял в старце.

Отец Иоанн, несмотря на постоянную бедность, был чрезвычайно нестяжателен. Вспомним, как он, получая кой-какой заработок от писания икон, наставлял жену не копить деньги.

Уже будучи за штатом, отец Иоанн всю свою годовую пенсию в 75 рублей, исходатайствованную ему епархиальным начальством из средств Святейшего

Синода¹, целиком отдавал дочери, бывшей замужем за бедным шляхтичем.

Еще в качестве яркого примера нестяжательности старца Рункевич приводит историю, связанную с огромным наследством, оставшимся после смерти брата отца Иоанна — полковника Николая Кушлянского, покончившего жизнь самоубийством. Рункевич передает ее так. После умершего брата, холостяка, осталось состояние в 75 тысяч рублей. Отец Иоанн был самым близким наследником его имущества, но наотрез отказался от наследства, сказав, что такое от самоубийцы не примет и пусть оно лучше пропадает! Так имущество то действительно и пропало: им воспользовались дальние родственники и чужие люди, и только 200 рублей получил сын отца Иоанна, священник Симеон, в виде презента от свояков. Симеон же по настоянию отца и эти деньги употребил не на себя, а на покупку колоколов для Долгской церкви².

Эту историю Рункевич пересказывает, конечно же, со слов самого отца Иоанна, но излагает ее, как выяснилось, не совсем верно. Возможно, что-то не так передал старец, поскольку история была давняя. Вероятно, и отец Григорий запомнил только общий смысл рассказанного, потому она полна неточностей. В реальности же дело обстояло несколько иначе.

Брат отца Иоанна Николай Кушлянский покончил свои дни в Варшаве 22 мая 1846 года, будучи в звании подполковника. Разыгралась трагедия в доме Зелинского, где офицер снимал комнату. В тот день Кушлянский взял у служанки ключ от своей квартирки и заперся изнутри. Через некоторое время она услышала из-за двери хрипы и сообщила об этом хозяину. Когда в присутствии полицейского дверь была выломана, Кушлянского нашли на кровати с перерезанным горлом и ранами в левом боку. Рядом лежали бритва, нож и вилка. Подполковник был еще жив, но вскоре умер.

Спустя ровно год его сестра Татьяна Чурилло представила в Могилевскую гражданскую палату духовное завещание ее брата подполковника Николая. Написано оно было еще в 1842 году якобы самим завещателем, согласно воле которого всё его движимое и недвижимое имущество, а также капиталы в билетах разных кредитных учреждений, векселях и расписках после его смерти переходили сестре. Своей семьи подполковник Кушлянский, как уже говорилось, не имел. В действительности же капитал его составлял не 75 000 рублей, а намного меньше. После него остались облигации Московского опекунского совета и Киевского коммерческого банка на 9 300 рублей серебром, кредитный билет в 50 рублей серебром и наличные деньги 15 рублей серебром.

Узнав о претензии сестры Татьяны, один из братьев Кушлянских — капитан Семен Кушлянский оспорил подлинность этого завещания. Началась продолжительная тяжба между ним и сестрой.

¹ Выйдя за штат, отец Иоанн первые пять лет был на иждивении сына — священника Симеона.

² Рункевич Григорий, священник. Указ. соч. С. 142.

В течение почти десяти лет дело рассматривалось в различных инстанциях: в Чаусовском уездном суде, в Могилевской гражданской палате, Правительствующем Сенате, Государственном совете. В процессе разбирательств завещание то признавалось подлинным, то сомнительным. Не совсем ясной ситуация представлялась и со смертью подполковника Николая. Если его смерть являлась результатом преднамеренного самоубийства, то любое его завещание теряло законную силу и родственники не могли получить наследство. Поэтому в некоторых судах смерть его выставлялась как недоказанное самоубийство. Мотивов поступка также выяснено не было.

Неприятным образом оказался вовлечен в процесс и священник Иоанн Кушлянский. Во время производства дела в Уездном суде его сестра Татьяна буквально упростила добродушного и жалостливого брата-священника дать показания в ее пользу. 23 января 1848 года в суде он признал завещание подлинным, а возражения брата Семена несправедливыми. Однако духовно чуткий отец Иоанн сознавал, что сделал что-то несправедное. Будучи обличаем совестью, он спустя полгода написал брату Семену письмо, в котором сознался, что такое показание в суде дал по неотступным просьбам сестры, которая подарила ему разные мелочи и «почти насильно вручила расписку в 1000 рублей серебром». Узнав об этом, Семен заявил в суде, что «брат его Иоанн страдает с давнего времени слабоумием и что Татьяна Чурилло, пользуясь этой болезнью, вынудила от него вышеизложенный отзыв разными подарками и обещаниями». В доказательство он представил письмо священника Иоанна и присланную им расписку сестры на 1000 рублей серебром, выданную ему на следующий день после «нужных» показаний в суде. Конечно, таких денег у сестры и в помине не было, поэтому она и выдала расписку, надеясь рассчитаться, заполучив наследство покойного брата.

Снова вызванный спустя несколько месяцев в суд, отец Иоанн подтвердил, что дал показания вынужденно по просьбам сестры, и просил «впредь не требовать от него по слабости его здоровья никаких объяснений».

Тем не менее Уездный суд признал завещание, предъявленное Татьяной Чурилло, подлинным, а значит, и ее права на наследство. Тогда Семен Кушлянский подал апелляционную жалобу в Могилевскую гражданскую палату. Там завещание признано не было, а имущество Николая Кушлянского должно было быть распределено равными частями между братьями Семеном, Федором и Иоанном.

Сестра Татьяна подала апелляцию в Сенат, который, рассмотрев в октябре 1854 года дело, отменил постановление Гражданской палаты в ее пользу. На это решение Семен Кушлянский принес всеподданнейшую жалобу в Комиссию прошений, которая, в свою очередь, внесла ее на рассмотрение Общего Собрания Сената. В результате завещание было признано сомнительным, а право на наследство признавалось за братьями Семеном, Федором и Иоанном. Но так

как последний в Уездном суде признал завещание Николая Кушлянского действительным, не зная, подлинное оно или нет, то он лишился участия в наследовании имущества.

Но поскольку в Общем Собрании возникли кое-какие разногласия между департаментами, дело на этом не закончилось. Оно перешло в Государственный Совет, который в Соединенных Департаментах Гражданском и Законов и в Общем Собрании рассмотрел дело о духовном завещании подполковника Кушлянского. В результате, смерть его окончательно была признана преднамеренным самоубийством, поскольку выяснилось, что, когда он был обнаружен и ему оказывалась медицинская помощь, офицер вырывался, срывал перевязки, кричал, чтобы все убиралось вон, пока не умер от потери крови. Таким образом, завещание Николая Кушлянского, даже если бы оно и было действительным, подпадало под силу закона о недействительности завещаний самоубийц. Мнение это Высочайше утверждено было 18 октября 1857 года. Согласно закону имущество Николая Кушлянского родственникам его не подлежало передаче¹. Что с ним случилось в конечном итоге, выяснить не удалось.

Откуда же взялись 200 рублей, переданные «своими» сыну священника Иоанна Симеону? Возможно, сестра Татьяна, чтобы загладить вину перед братом-священнослужителем, пыталась безуспешно вручить ему эти деньги и, в конечном итоге, передала их его сыну. Но это всего лишь предположение...

Так, не без искушений, как мы видели, завершилась для отца Иоанна эта история.

Кстати, брат его Семен к этому времени снова вернулся в армию, видимо, в разгар Крымской войны, и имел уже звание майора.

Священник Григорий Рункевич сообщает, что в повседневной жизни отец Иоанн всегда был очень и очень неприхотливым человеком, если не сказать более — аскетом в миру. В его доме никогда не раздавался звук музыкального инструмента, не встречалось плясок и других подобных увеселений. Одевание его состояло из простой жесткой рубашки и убогого подрясника, а сапоги на ноги он надевал только для церковного богослужения. Очень строго соблюдал отец Иоанн посты и еще с молодости стыдился употреблять мясо вне поста. А в последние годы жизни он и вовсе питался одной лишь постной пищей, притом самой скромной. Картофель, лук, кусок сельди, мед, вареная клюква и брусника составляли обыкновенный его рацион. Вкуса чая он совсем не знал, а пил всегда простую теплую воду, им самим согретую. В Великом посту отец Иоанн ел раз в три дня, а иногда и по целым неделям не вкушал хлеба. В келье он всегда носил через плечо на груди и спине два камня — своеобразные вериги. Спал на голой доске или земле с камнем под головой, или наверху голой печи.

Любя богослужение, отец Иоанн и за штатом практически до самой смерти совершал почти

¹ Сборник Высочайше утвержденных мнений Государственного совета по гражданским делам (1855, 1856 и 1857 гг.) / Сост. Мейером. — СПб. — 1871. — С. 462–471.

все требы в приходе сына, а службу Божию часто совершал и в будние дни. Он знал всегда заблевающих своих духовных чад и, не дожидаясь приглашения, спешил на помощь со Святыми Дарами или молитвословием. И Господь был милостив к трудам и ревности отца Иоанна, подавая по его молитвам исцеления многим недужным. Он всегда учил прихожан во всякой нужде обращаться с молитвой к Богу. Бывало, велит пришедшему к нему просителю стать рядом с собой на колени и сам тут же начинает коленопреклоненно молиться. После такой совместной молитвы всегда получалось просимое.

Будучи за штатом и в преклонном возрасте, отец Иоанн никогда не отказывал просившим его священникам-соседям помочь им или подменить по церковной службе. Священник Григорий Рункевич, несколько раз по причине болезни пользовавшийся его помощью в Великие посты и по несколько недель принимавший его у себя в доме, так рассказывал о молитвеннике-старце: «...Он берется за молитвослов, забирается в угол комнаты, если это в вашем доме, и весь предается молитве. При молитве он становился всегда на колени, сбрасывал с ног сапоги, и, если никто ему не препятствовал, то на молитве он входил в восторг... и — то пел псалмы, то падал на землю, или клал непрерывно земные поклоны, то поднимал очи и руки горе, и казалось, в эту минуту он скорее ходил по воздуху, был существом неземным, духовным». Если же в комнате находился свидетель молитвы отца Иоанна, то он обычно садился на коленях на постели, укрывался своим плащом и таким образом молился (он все молитвы правильного знал наизусть).

«И долго, долго, бывало, он молится, — вспоминал священник Григорий. — Только звук церковного колокола его возбуждал и прекращал его молитвенный подвиг; тогда он в одну секунду одевался и был готов к выходу в храм Божий. Я был несколько раз при совершении им богослужения и, признаюсь, я ничего подобного не видел при богослужении других священников. Вся служба, совершаемая им, — это был пламенный молитвенный восторг; глаза его искрились пламенем, руки не ощущали зимнего холода, плечи и ноги поднимались, казалось, на воздух. Весь он был воплощенной молитвой, весь был пламенным молитвенником за народ! Служил он ясно, правильно и исполнял все положенные по уставу правила; во время приобщения Святых Таин, иногда очень многих исповедников, старческая рука его не дрожала, колени не сгибались; утомления или нетерпения при сем нелегком труде и тени не видно было на светлом челе его. Удивляясь его столь мощной выдержке, особенно при сильном морозе, я, бывало, спрошу его: как он может без усталости и отдыха простоять с Чашей в руках около двух часов времени без видимого утомления и нетерпения, столь обычного для многих, и без явного ощущения столь сильного холода? На это он так отвечал с обыкновенной своей улыбкой: “живите так, как я, и вы будете выдерживать тоже; — я никогда, благодарение Богу,

не болел, и теперь чувствую себя крепким”. Поневоле, бывало, вспомнишь праведные слова св. ап. Павла: “оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает!” (1 Кор. 11: 30). И замолчишь со стыдом на такую речь старца»¹.

Но самое ценное из рассказанного об отце Иоанне — это опыт его молитвы.

К отцу Иоанну шли за молитвой и поддержкой не только его прихожане, но и жители окрестных селений. Однако были люди и даже среди местного духовенства, которым жизнь и подвиги отца Иоанна казались неблагоприятными, странными и перетолковывались на разные лады. Некоторые из них посмеивались над ним, считая чудачком, другие открыто поносили. Но не таков ли удел праведников в мире сем? И не о них ли сказал Спаситель: *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас* (Мф. 5: 11–12).

Отец Иоанн скончался от истощения старческих сил 4 января 1873 года, в день памяти Собора 70-ти апостолов, напутствованный за 12 дней до кончины Святыми Тайнами. Умер он на руках сына священника Симеона, после прочтения канона на исход души, со словами молитвы на устах: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!»

Погребли отца Иоанна в Долгской церкви у правого клироса².

Еще долго хранили местные крестьяне благодарную память о добром старце. Помнили пример его жизни и некоторые священники, почитавшие отца Иоанна.

Такие духовные самородки, как отец Иоанн Кушлянский, конечно же, достойны внимания и воспоминания в пример нам, нынешним христианам. Вспомним слова Христа, сказавшего: *Кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10: 41).

И еще интересный факт. В книге Федора Жудро «Белыничский Рождество-Богородицкий монастырь»³, изданной в 1894 году, описано немало случаев исцелений по молитвам к Белыничской иконе Божией Матери. Вот один из них. Священник села Долгое Игуменского уезда Симеон Кушлянский был болен чахоткой и во сне увидел в Белыничском храме Божию Матерь с Богомладенцем на левой руке. Он повергся пред Ней на землю, прося исцеления от болезни, и получил просимое. В благодарность за чудесное исцеление отец Симеон часто посещал Белыничский монастырь, где усердно молился, в том числе и за отца — священника Иоанна, благодаря Бога и Его Пречистую Матерь.

¹ Рункевич Григорий, священник. Указ. соч. С. 140–141.

² Рункевич Григорий, священник. Указ. соч. С. 144.

³ Жудро Ф. А. Белыничский Рождества-Богородицкий монастырь. — Могилёв на Днепре: Тип. Ш. Фридланда, 1894. — 21 с.